

Михаил ЗАСКАЛЬКО

ПРЫНЦ

16+

Михаил Заскалько

Принц

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Заскалько М. М.

Принц / М. М. Заскалько — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Простой комарик, как вестник Судьбы, приводит героиню к "принцу", которого она тщетно ждала не один год.

1

К своим тридцати трём годам Зоя имела почти всё, о чём мечтала ещё школьницей: шикарная пятикомнатная квартира в центре города, домработница, красивое и дорогое авто, тряпки от мировых кутюрье, лучшая косметика, отпуска проводила за границей, а некогда вожденный Париж сегодня знала, как и любимый Питер. При желании могла бы без проблем сняться в кино (были такие предложения), выпустить сольный альбом (в отличие от многих безголосых "звёзд" у Зои был довольно приличный сопрано и романсы в её исполнении в узком кругу пользовались неизменным успехом). И ещё много чего могла себе позволить бизнес-леди Зоя Белугина, владелица "газет, заводов, пароходов", а так же продюсер, друг банкиров, депутатов и солидных бизнесменов.

Казалось бы, при её возможностях, плюс приятельских и дружеских отношениях со многими известными людьми, для Зои нет, и не может быть ничего невозможного. Но, к сожалению, была такая недоступная вершина: Зоя до сих пор не могла найти хорошего мужа.

Ха, скажите вы, уж этого-то добра хоть лопатой гребите, с её-то богатством. Ошибаетесь: хороший муж, – в лучшем смысле этого значения, – и в прежние времена был дефицитным, а по нынешним временам вообще редок, как уссурийский тигр из Красной книги. Привыкшая ко всему натуральному, добротному, Зоя и спутника жизни желала иметь настоящего, идеального, того самого пресловутого "принца".

В обозримом пространстве бизнеса и гламура принцев не наблюдалось: либо голубые, либо нечто среднее между мужиком и бабой, ни рыба ни мясо. Эти-то давно толклись в очереди, желая прилепиться к телу и деньгам Зои. Глупцы: не видят немеркнувшего баннера "Вам, господа, ничего не светит!" Хлипкий нынче мужик, утративший мужской стержень, а с ним и гордость. Одна видимость. Иной пыжится, корчит из себя настоящего, а скажешь ему "гуляй, Вася", ровно малое дитя становится: канючить начинает, будто конфетку выпрашивает. О какой-то там любви лопочет, клятвы, как пепел от сигареты просыпает, а сальные глазёнки по телу шарят, раздевают. В упор видно, что одного хочется – "клубнички". Противно до тошноты... Мужчинки, одним словом.

Люська, подруга детства, а ныне вторая рука Зои в сфере бизнеса и личный психоаналитик, всей своей жизнью наглядно демонстрировала качество брака с этими "клубничкоедцами": три развода, три ребёнка-безотцовщина.

– Ошибочка вышла, – сокрушалась Люська, однако, скоренько переболев очередной развод, вновь забрасывала сеть в надежде, что на этот раз выловит "то, что надо".

Зоя предпочитала учиться на чужих ошибках. Поэтому и не позволяла себе такую дурость, как "сходить замуж". Приходилось многократно слышать и читать, что у женщины в её возрасте наступает гормональный подъём, что природа властно требует своего, Зоя по-всему не вписывалась в общий стандарт: её гормоны дрыхли без задних ног и команда "Подъём!" ещё не прозвучала. Люська считала это ненормальным и настоятельно рекомендовала показаться врачу, на что Зоя веско заявляла: я здорова как бык, а гормоны спят, потому что я не зацикливаюсь на этой теме. Поэтому элементарной дуростью считала и одноразовую любовь, а попросту секс для разрядки. Работа и фитнес-клуб прекрасно снимали напряжение, так что дополнительной разрядки не требовалось. Такие мимолётные связи Зоя сравнивала с употреблением рыбьего жира, вместо самой рыбы, "восстановленные" соки вместо натурального только что выжатого, молочного напитка вместо молока из-под коровы. Мало кто верил в это, но Зоя всё ещё была девственницей. Это был драгоценный подарок для "принца", для Единственного.

– С такой установкой ты никогда не выйдешь замуж, – неоднократно пыталась повлиять на подругу Люська. – Прокиснешь.

– Никогда не говори "никогда", – отмахивалась Зоя. – Моя невинность, как вино: чем дольше хранится, тем дороже.

– Ага, придёт время и "винцо" станет антикварным и ни у кого рука не поднимется его испить. И не только рука...

–Тьфу, на тебя! Пошлячка! Сделай фокус: скройся с глаз. Или я урежу тебе зарплату, негодяйка.

– Воля ваша, госпожа. Не извольте Ваша Светлость гневаться на глупую служанку,– по киношному покаянно заламывала руки Люська, в тысячу первый раз убедившись, что "эта несносная Зойка" непробиваема.

Каждые выходные, игнорируя десятки приглашений на банкеты, презентации, гламурные тусовки, Зоя ездила в Доброхотово, на малую родину. Маму проведать, тётю с племянниками, подышать лесным воздухом, побродить по памятным детским местам. Приближаясь к границе деревни, начисто отключала мозги от дум о бизнесе и просто наслаждалась, по-детски была счастлива. Даже общение с племянниками нисколько не напрягало, не рождало вроде бы должных мыслей: и у меня уже могли быть такие дети, свои кровинушки. Нет, Зоя чувствовала себя безмятежной девчонкой, которой о детях ещё рано думать. А прозрачные намёки родственников,– особенно мамины,– воспринимала как шутки.

– Мам, не гони лошадей. Будут и у тебя внуки, целая футбольная команда, не возрадуешься.

– Боюсь, не дождусь... Всё принца ждёшь, а они все вымерли, как динозавры...

– А ну живо прекратить провокации! Собирайся, съездим на речку, рыбки половим. Чур, тебе червячков копать.

К рыбалке Зою приучил папа ещё в раннем детстве. Тогда они ездили на стареньком велосипеде. Зоя уже тогда мечтала: вот вырасту, заработаю много денег, куплю машину и будем с папой ездить на рыбалку каждый день, и удочки куплю фирменные. Не дождался папуля машины и фирменных удочек: слишком впечатлительный был, по духу беспартийный коммунист, когда в стране начался бардак и сама страна развалилась, не выдержало сердце хлынувшего беспредела. Всю жизнь проработал в колхозе зоотехником, над каждой бурёнкой дрожал, и вдруг приказ: весь скот под нож, ферма аннулируется, ибо нерентабельна... Так в слезах и умер.

Спустя годы, Зоя посчитала, что лучшим памятником папе будет возрождение фермы. Специально летала в Голландию и Бельгию за проектом комплекса и бурёнками. Теперь вот тётя с семьёй фермерствуют, поставляют в рестораны и кафе племянницы экологически чистые молочко, сметанку, говядину. Душенька папина должна радоваться.

А на рыбалку теперь Зоя ездила с мамой, и эти часы были лучшими в их нынешней жизни.

В город возвращалась в понедельник: в четыре утра из деревни выезжала всё та же безмятежная чуточку наивная девчонка, а через два часа в Питер въезжала солидная и решительная дама, обременённая мыслями о бизнесе и мечтами о "принце"...

2

Вопреки прогнозам ближе к утру зарядил нудный морозящий дождик. Провожая Зою, мама в сотый раз напомнила:

– Доча, дорога мокрая. Ты уж не гони-то сильно, не к поезду опаздываешь.

– Мам, успокойся. Я старушка опытная и мудрая.

– И на старуху бывает проруха...

– Всё, вы наказаны. В следующие выходные остаётесь без вкусенького.

– Бог с ним вкусеньким. Только приезжай... Может, не одна приедешь...

– Опять? Переверни пластинку.

– А у меня и на другой стороне та же песня.

– Старая песня о главном. Выбрось: уже оскомина от неё. Слушай, ма, а хочешь съездить в Индию? Я планирую на этой неделе Люську в командировку послать. Есть одна бизнес-задумка. Своими глазами увидишь твоих любимых звёзд Болливуда.

– Не, доча, уволь. Говорят, чтобы туда съездить, нужно больше ста уколов сделать. Не хочу. Мне и канала "Индия" во как хватает.

– Тады ой. Ладно, поехала я. Звони.

– Ремень-то пристегни, кулёма!

Комар очумело носился вокруг головы, слепо торкался в лицо, противно звенел.

– Отстань, зараза! – тщетно отмахивалась Зоя.

Наконец, приоткрыла окно, в надежде, что сырой сквозняк прогонит нахала. Гадёныш спрятался за правым ухом и, похоже, планировал посадку на "кормовую базу". Зоя затрясла головой. Комар возмущённо, почти как шмель зажужжал, запутавшись в волосах. Зоя рукой попыталась нащупать его и тут, по закону подлости, на дорогу выбежал зверь, не то лисица, не то собака. Зоя ударила по тормозам. Машину резко развернуло и юзом повлекло к обочине. Отпустив тормоз, Зоя газанула, но мотор паскуда заглох. Инерция полностью завладела машиной...

– Накаркала, мамуля...

Зоя шевельнулась, острая боль в плече саданула так, что рикошетом ударила в затылок, на мгновение почудилось, что череп лопнул и в трещины, почему-то хлестнуло ледяным сквозняком. А потом свет замигал, рассыпался на радужные хлопья, и погас.

В ушной раковине злорадно звенел комар...

3

Открыв глаза, Зоя увидела зеркало трюмо, а в нём себя, лежащую в кровати на перине. Голова перевязана, на лбу и на лице нашлёпки пластыря. На Зое была светлая клетчатая мужская рубашка.

В окно, наполовину задёрнутое занавеской, ломился свет, явно не утренний. И там за окном кто-то колот дрова. Этот уже подзабытый звук собственно и разбудил Зою.

"Так, значит, я отделалась лёгким испугом. Машина, скорее всего, помялась. Меня кто-то нашёл и почему-то притащил домой, а не в больницу, как следовало бы. Почему на мне мужская рубашка?"

Откинув одеяло, Зоя спустила ноги. На полу стояли мужские шлёпанцы, раза в два превышающие размер ноги Зои. Сунув ноги в шлёпанцы, невольно улыбнулась, вспомнив, как, будучи ещё детсадницей, "приносила" папе тапочки: сунет свои крохотные ножки и как на лыжах движется к папе:

– Папулечка, я тебе их грею.

Постояв с минуту, Зоя прислушалась к своему телу. Вроде всё окей, нигде не болит, разве что в голове чуть шумит, да залепленные ранки слегка саднят.

"Нормалёк, жить буду".

Подойдя к окну, отдёрнула занавеску и невольно вздрогнула: между горой чурок и горой полениц колот дрова... Карл Маркс. Мужчина неопределённого возраста в серых джинсах и коричневой майке своей волосатостью и пышной бородой действительно походил на классический портрет основоположника марксизма.

"Лесник, наверно, живет, видимо один. В комнате, по крайней мере, женщиной не пахнет. Если меня не считать".

С лёгким вздохом отворилась дверь и на пороге замерла девчонка лет тринадцати, на ней был пёстренький сатиновый топик и джинсовые шортики, ноги босые. Девчонка хмуро в упор рассматривала Зою.

– Здравствуй.

– Не застуй,– вместо приветствия неласково сказала девчонка.– Как голова? Не болит?
– Спасибо, нет.

– Боря сказал, если ты в порядке, можешь убираться. Твоя тачка на ходу. Если думаешь, что тебя будут завтраками кормить, то обломится. У себя в городе в ресторане похаваешь.

– Интересное кино. А почему ты грубишь? Разве я чем-то тебя обидела?

– А я и без обид вас таких ненавижу.

– Каких таких?

– Сама знаешь. Видела я твои шмотки, да и тачка... Скажешь, на честно заработанные купила? Ха, не смейся кур. Знаем, как,– девчонка презрительно хмыкнула,– заработала.

– С тобой всё ясно. Могу я поговорить с Борисом?

– С тобой тоже всё ясно. Борис не станет с тобой говорить. Он с такими вообще не разговаривает. И я не собираюсь. Шмотки твои в тачке, тачка за калиткой. Гуд бай.

Девчонка развернулась, ещё раз окинув Зою презрительным взглядом, и вышла, но через секунду вновь возникла:

– Не советую резину тянуть. Если через пятнадцать минут не свалишь, я собаку на тебя натравлю.

– Зашибись. Кина не надо. Что за люди такие: сначала помогают, затем пинками выпроваживают. Что это? Извечная российская зависть и неприятие богатых?

Зоя вновь посмотрела в окно и неожиданно для себя залюбовалась тем, как мужчина ловко разделялся с чурками. В его движениях были покой и уверенность, а ещё весь его облик говорил, что в нём есть то самое, что необъяснимо как чувствуешь и признаёшь: настоящий мужчина. Чем дольше смотрела Зоя, тем больше находила в мужчине напоминаний о папке. Он вот так же лихо и красиво колот дрова, и в нём так же чувствовался мужской стержень. Вспомнилось, как приносила папке попить квас, стояла рядом, чувствуя его мускулистое разгорячённое тело, вдыхала запах пота.

– Па, ты вкуснее пахнешь, чем мамкины духи.

И вдруг Зоя поймала себя на мысли, что может быть все её неудачи в поиске избранника скрыты в этом: она искала похожего на папку, с похожим духом. Наверняка поэтому наодеколоненные мужчины вызвали отвращение.

Нестерпимо захотелось оказаться рядом с "Карлом Марксом" и Зоя уже сделала решительный шаг к выходу, но дверь распахнулась и порог переступила маленькая худенькая женщина пенсионного возраста, она держала цветастый поднос, на котором стояли глубокая миска с борщом, стакан с молоком и стопка порезанного хлеба.

– Доброго здоровьица. Как самочувствие?

– Здравствуйте. Спасибо, хорошо.

– Я вот тут вам покушать принесла. После такой встряски, поди, проголодались,– женщина поставила поднос на табурет, а уже его подвинула ближе к кровати.– Садитесь прямо на кровать. Как же вас угораздило?

– Простите...

– Можете звать просто тётъ Леной.

– Ну а я просто Зоя. Зверюга какая-то выскочила на дорогу, я поздно заметила.

– Боря так и подумал. Слава богу, удачно всё обошлось. Ваше счастье, что Боря как раз возвращался из Кириловки. Вы уж не сердчайте, что ему пришлось вас раздеть. Боря хотел проверить, нет ли переломов. Плечико, правда, пришлось вставлять. Не болит?

– Нет. А Боря это...

– Брат мой меньшей.

– Он медик?

– Как вам сказать. В армии медбратом был. Шибко дотошный, если что заинтересовало, изучит досконально. Самоучка, одним словом. Но если что изучил, делает получше иного дипломированного. Что ж вы, кушайте, кушайте, простынет ведь.

Едва Зоя взяла ложку и хлеб, как тётя Лена заторопилась:

– Ну не буду вам мешать. Приятного аппетита.

– Спасибо. Да вы не мешаете. Извините, я что-то не поняла. Перед вами заходила девочка...такого наговорила...

– И что же она сказала?

– Чтобы я поскорее убиралась. И что Борис не станет со мной разговаривать...

Лицо тётя Лены стало болезненно-печальным, она глубоко вздохнула, затем присела на краешек кровати, заговорила почти шёпотом:

– Это Юлька, моя меньшая. Всё верно сказала... Боря так и велел: если оклемалась, пусть...убирается. Это уж я самовольно и вещи ваши простирнула, и вот покушать... И говорить с вами действительно не станет...

Зоя замерла, закусив ложку:

– Не понимаю. Зачем же сюда меня вёз, а не в больницу?

– Он на велосипеде был, до района сорок пять километров. Время ранее, попуток нет. Вот и привёз к себе. Когда с вами управился, взял у Саши Борковского трактор и притащил вашу машину...

– С этим ясно. А почему разговаривать не станет?

Тётя Лена вздохнула, опустив голову, нервно затеребила складку платья.

– Не любит он женщин, особенно молодых. Только с нами пенсионерами, да со старушками словом перекинется. А так зубы сцепит и волком глядит...

– Почему?

– Ох, и не знаю, говорить, аль нет...

– Раз начали, продолжайте.

Зыркнула на окно, вновь глубоко вздохнула:

– Обидели его жёны, сильно обидели. Через них невзлюбил и остальных. Он ведь раньше тоже в городе жил, на заводе токарем работал...

4 Первая жена

Школу Борис закончил хорошистом. Мог бы и на одни пятёрки,– память почти феноменальная, предметы давались легко,– если бы не его несносный характер правдолюбца. Это у него от деда, ярого коммуниста, настоящего, ещё дореволюционного, прошедшего ГУЛАГ, штрафбат, войну закончил в Японии комбатом-танкистом. До последнего дыхания боролся за Правду, получая и награды и тумачи. Вот и Боря такой был, его в школе так и дразнили ГазетаПравда. С пятого по десятый класс выпускал школьную стенгазету, в которой, разумеется, правдиво отражал жизнь школы. Через эту правду многие не любили Бориса, включая педсовет, ибо и их не щадила ГазетаПравда. Мстили по-мелкому: занижали оценки.

После выпускного все рванули в город поступать в техникумы, институты, а Борис остался в деревне. В принципе он мог свободно поступить в любой институт, но не сделал этого. Объяснил так:

– Я ещё не определился, что хочу. Поступать на авось, как это делают большинство, не собираюсь. Схожу пока в армию.

Попал в Афган, хоть мама с бабушкой неустанно молились, чтоб Господь не допустил этого. Возможно, Бог был глух к мольбам бедных женщин, потому что они не считали себя по-настоящему верующими.

В первом же бою зелёным необстрелянным мальчишкам туго пришлось, было много потерь, на глазах Бориса шальной пулей убило санитаря, и он самовольно заменил его: вытас-

кивал из-под огня раненых товарищей, делал перевязки. За самовольное оставление боевой точки солдата, конечно, пожурили и тут же приказом перевели в медроту. Закончил Борис службу с тремя лёгкими ранениями и двумя медалями. Дед гордился внуком, разговаривал на равных, как с братом своим фронтовиком.

Отдохнув недельку, Борис активно влился в жизнь: вступил в общество афганцев, поступил на заочное на журфак, а работать пошёл, всем на удивление, на завод, сначала учеником токаря, но вскоре досрочно был аттестован и получил довольно высокий для ученика разряд. Там же на заводе познакомился с первой женой. Ольга тоже деревенская, тоже училась на заочном, правда, в Технологическом, а на заводе работала в формовочном цехе. Скороспелая у них любовь вышла: не успели познакомиться, как дело до загса дошло. Завод выделил им комнату с перспективой улучшения: пойдут детишки, там и квартиру получите. Поначалу-то молодые жили, душа в душу, в положенное время народилась девочка, Сонечка. Борис в ней души не чаял.

Время тогда было трудное, если помните: конец восьмидесятых начало девяностых. Ломалась не только огромная страна, ломались характеры людей: всё активнее оккупировал умы западный образ жизни с его пресловутым рынком-базаром, сдирая, как кожу впитанное с молоком матери советское. Шло великое испытание на человечность, на наличие совести. В обществе афганцев начался разброд: кто-то сильно запил, кто-то тихо улизнул в зарождавшиеся криминальные группировки. Мало того, что государство унижало афганцев, так и в обществе было негативное к ним отношение, насаждаемое "новой" прессой. Тогда-то Борис и понял: "новым" журналистом он никогда не станет, а честным, правдивым просто не дадут. И забрал документы из института. Ольга впервые заикнулась, что ненормально будет, если жена с высшим образованием, а муж простой токарь. Ссориться Борис не хотел, да и некогда было: всё свободное время проводил в метаниях по инстанциям – кому бесплатный протез выбить, кому коляску, кому дефицитные лекарства. Сонечку с собой таскал: её присутствие придавало сил, укрепляло опору в поединке с бюрократами. Совершенно случайно Ольга узнала, что им уже давали квартиру, но Борис отказался в пользу товарища: они шестером ютились на 9 метрах. Этот "дурацкий" поступок Бориса явился последней каплей терпения Ольги: потребовала развода. Борис давно уже понял, что ошибся в выборе супруги: Ольга была из той породы женщин, которые готовы все 24 часа держать мужа при себе, как говорится, прищипленным к юбке. Его мысли и чаянья должны всецело принадлежать семье, никаких друзей-товарищей, никаких благих порывов на стороне. Ты мужчина, значит, в первую, в третью, в десятую очередь должен думать и стремиться, как благоустроить дом, сделать его полной чашей. Даже если надо поступиться принципами, словчить, обхитрить, а не демонстрировать своё благородство и совесть.

В общем, расстались мирно. Борис перебрался к приятелю-афганцу, инвалиду по всем статьям, у которого недавно умерла бабушка, завещавшая ему однокомнатную квартиру. Ольга не препятствовала общению отца с дочерью, и Бориса это устраивало. Сонечка и теперь больше времени проводила с папой, так что развод по ней особо не ударил. Ну а Ольга, не обременённая ребенком, ускоренным темпом "устроивала жизнь". И надо сказать успешно: и двух месяцев не прошло после развода, как она скоренько расписалась с каким-то немчиком и спешно укатили в Германию. И подло, тайком увезли с собой Сонечку. Много дурного мог ожидать Борис от Ольги, но такого удара под дых... не ожидал, и не смог простить.

4 Вторая жена

Такие удары только закаляют настоящих мужчин. Не упал, не сломался, хоть и появилась в душе трещинка, тем не менее, стал твёрже, крепче.

Тут его и заметила Ирина, ушлая бабёнка, артистка в своём роде. Если для достижения своей цели ей нужен мужчина, то на данный момент она станет именно такой, какой он хочет

её видеть. Ирина прошла хорошую школу первых челночниц, усвоила предмет "бизнес" на круглую пятёрку. В новой стране тогда в моду входили кооперативы, вот и Ирина задумала завязать с челночным бизнесом, организовать кооператив. Для осуществления её планов нужен был помощник, правая рука, именно такой как Борис: твёрдый, мужественный, пробивной. В считанные дни охмурила-очаровала-околдовала мужика, мастерски исполняя роль "той самой женщины, единственной". И Борис вновь полюбил, искренне и крепко. По-другому он просто не умел.

Суть бизнеса Ирины была такова: покупаешь в деревнях у населения по дешёвке продукты, привозишь в город и здесь уже распродаёшь с тройной наценкой. То, что в Советском Союзе считалось спекуляцией и каралось законом, в "демократическом" государстве с базарной экономикой стало нормой, инструментом бизнеса. Ирина владела этим инструментом безупречно. Борис озарённый, как ему казалось, взаимной любовью, смирился с этой нормой, хоть душа и роптала. Ирина, интуитивно почувствовав эту слабину, решила ещё прочнее подтянуть оковы, применив банальный бабий приём "привязать ребёнком". И вновь родилась девочка, назвали Дашенькой. Вся та неостребованная любовь к первой дочке теперь щедро изливалась на Дашеньку: Борис был более чем счастлив.

Этот дивный ангелочек, как чистое ясное увеличительное стёклышко показал родителям то, что скрывалось в тени, пряталось на задворках, чего не видела слепая любовь.

Ирина увидела, что любовь к дочке ослабляет Бориса, делает осторожным. Если раньше он смело бросался в атаку, то теперь долго обдумывал стратегию и тактику, размышлял, нужно ли это, не опасно ли, не покоробит ли его нравственные принципы. Для бизнеса это не всегда удачно, чаще во вред, ибо время – деньги. ТАКОЙ Борис Ирине плохой помощник. Осознав это, она стала искать замену.

Борис же увидел истинное нутро супруги: что дочь ей нужна как собаке пятая нога, что он сам ей нужен постольку поскольку, что в погоне за ещё большими деньгами, Ирина разбавляет мёд, молоко, сметану. И ещё много чего мелкого и паскудного.

Забрав дочь, Борис ушёл на съёмное жильё, махнув рукой на работу. В тот день Ирина была вне себя от злости: сорвалась выгодная сделка. Чёрт их поймёт, этих мужиков! Упрутся как бараны в новые ворота: говорить буду только с Борисом, баб в таких вопросах серьёзно не воспринимаю. Попробовала, было, Ирина применить последний аргумент: своё тело. И облом: этот говнюк ей эдак по-барски заявляет: "Зачем мне перезревшая редиска, у меня вон десяток молоденьких, свеженьких".

Ирина решила проучить строптивого муженька, излить злость на него. Нанятые мордовороты отдела Бориса по первому сорту, Дашеньку вернули матери.

Две недели в больнице провалялся Борис между жизнью и смертью. Образ Дашеньки, всё время стоящий перед глазами, помог осилить смерть. За всё время Ирина ни разу не навестила. Выписался – и будто рванула рядом противотанковая мина, контузив: Дашенька, его солнышко, принцесска умерла.

Детский врач объяснила так:

– У вашей девочки была незначительная патология, при благоприятных условиях она могла рассосаться, уйти на нет. Как я понял, этими благоприятными условиями была ваша любовь к дочке. Лишившись вас, девочка осталась без защиты, мать, как мне стало известно, её не любила... Вот такой печальный итог... Мне искренне жаль... Соболезную...

А Ирины и след простыл: сразу после похорон дочки, спешно свернула бизнес и подалась за рубеж. Знала ведь лахудра, что Борис не простит ей смерти Дашеньки, прирежет как паршивую овцу, вот и сбёгла. И напоследок совершила очередную мелкую пакость: уничтожила все документы Бориса. Разбитый, придавленный, контуженный от боли и обиды стал Борис бесправным бомжем.

4 Третья жена

Есть такой тип женщин, которым очевидно при рождении закладывается программа: будь ведомой, никакой самостоятельности. Девочками они живут ведомые мамами, бабушками, учительницами. Если и далее остаются при маме, то, как правило, жизнь их складывается неудачно: либо мамы-одиночки, либо вечные разведёнки. Иные так до старости и остаются при маме, не решаясь на самостоятельный шаг. Некоторым судьба улыбнётся и пошлёт мужчину-ведомого и тогда, наконец, доча меняет оковы маминого влияния на оковы мужниного. Собственно в их мироощущении ничего не меняется: неизменно остаётся "внимать и исполнять". Серенькая жизнь жены-служанки их вполне устраивает, у них и в мыслях нет, что-то изменить, шагнуть за рамки. Они твёрдо верят, что такова их судьба, следовательно, и рыпаться не стоит.

Те же, кто в юности решается сделать самостоятельный шаг, удалившись из зоны маминого влияния, попадают в сложное положение. Привыкшие быть ведомыми, попав в Большую жизнь, они теряются, паникуют, лихорадочно ищут ведомого и, в большинстве случаев, этим ведомым оказывается низкий человек. Итог-падение на дно. Редко кому повезёт встретить спасителя, который выдернет, что называется, из грязи в князи. Это чаще происходит в кино и романтических дамских романах, нежели в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.